

intensity and single-mindedness sensed their responsibility for the renewal of theology and the church” (132). No less interest is summoned by Schilling’s interpretation of the ferocity of Luther’s polemics with all who did not concur with his vision of true religion (papists, “dreamers,” Jews, Muslims) as the result of the eschatological perspective of his theology and the certainty of the Wittenberg reformer in his own calling as God’s prophet, summoned “to proclaim to all people the only truth that brings blessing and to take care that it should be accepted by all” (641).

It should be added to the undeniable merits of the book that it is written from a religious-historical perspective that gives adequate attention not only to the Lutheran version of Protestantism, but also to other religious currents of the epoch, such as the papal church and its various reforming projects, as well as to alternative directions of the Protestant Reformation (Swiss reformers, radical Anabaptist groups, anti-Trinitarians). Note also, that the author does not limit himself to the theological aspect of Reformation history, painstakingly disclosing the radical changes called forth by the reform movement in civil society, its cultural, political, and economic life. For all this, Schilling deliberately avoids Protestant triumphalism; while recognizing the contributions of Luther in the transformation of Western Christianity into a dynamic religion capable of rebuilding the world, he nevertheless reminds us of the confessional intolerance that was born during the Reformation, which became a major factor in the struggle for power and bloody warfare in Europe.

Taking into account the immense historical resource base for the research carried out by the author, the foundational historical analysis of European society in the late Middle Ages, the religious, socio-economic and political processes taking place within it, the detailed reconstruction of all phases of the theological formation and reformation activity of the German reformer, Heinz Schilling’s book is unreservedly recommended to readers as the finest biographical study available of Martin Luther.

*Roman Soloviy
EAAA Research Center
L’viv, Ukraine*

РУССКИЙ БАПТИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ (СЕРИЯ “ДИАЛОГ”).
 КОНСТАНТИН ПРОХОРОВ. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ББИ, 2017;
 x + 450 с.; ISBN 978-5-89647-362-6; 590 RUB

Книга Константина Прохорова раскрывает неизвестную для многих область православного влияния на русский баптизм. Общепринято считать, что баптисты противопоставляют себя православию и сознательно дистанцируются от всего того, что можно назвать отличительными особенностями православной культуры. Автор удачно разрушает этот стереотип и обращает внимание на множество признаков влияния православия на русский баптизм, которые имели место на

территории Советского Союза в 1960-1990 гг. Православные и баптисты долгие годы жили рядом на одной территории, огражденной “железным занавесом”. Именно в этот период истории, когда жестокие гонения на верующих раннего советского периода отошли в прошлое, однако исповедание веры продолжало требовать исповедничества, обстоятельства жизни религиозных общин способствовали появлению все большего числа точек соприкосновения между баптизмом и православием. Факты, свидетельствующие об удивительной близости духовного опыта верующих из столь непохожих конфессий, будут интересны и неожиданны для многих как протестантских, так и православных читателей.

Автор хорошо владеет материалом. В книге рассмотрены и проанализированы многие аспекты религиозной жизни – от официального учения церковью до повседневных обычаев и нарративов, бытующих среди верующих. Автор отдает предпочтение фактам и избегает преждевременных обобщений. Для объективности исследования важно, что автор проинтервьюировал более сто известных баптистских служителей, эмигрировавших с начала перестройки в США. Этим людей не затронула трансформация постсоветского баптизма, начавшаяся после открытия границ СССР для иностранных проповедников и приведшая к сближению отечественной баптистской традиции с традицией западной.

Излагая предысторию вопроса, автор деликатно подходит к острым темам межконфессионального противостояния официального православия и протестантских движений в Российской империи, в то же время показывая хорошее знакомство с исторической литературой. Можно согласиться с автором в том, что русский баптизм, имея корни в европейской реформации, вместе с тем является уникальным и “глубоко национальным” (72) явлением. Такая двойственность приводила к тому, что в официальных документах баптистских церковей и в заявлениях их руководителей провозглашались крайние протестантские взгляды, и вместе с тем в повседневной церковной практике, особенно небольших и удаленных общин, появлялось все больше элементов, заимствованных из православной духовности. Один из основателей движения Совет церковей ЕХБ Ю. К. Крючков отмечал: “Менталитет мы все невольно восприняли из окружающей нас православной среды...” (229).

Автор приходит к выводу, что в области богословия советские баптисты приняли оригинальную попытку синтеза некоторых протестантских и православных идей. Православные представления особенно повлияли на учение о спасении. Общепринятые взгляды на спасение среди русских баптистов мало чем отличались от православного учения, придерживающегося принципа синергии Бога и человека. Отечественные баптисты были “бесконечно далеки от доминирующего среди западных (европейских, американских) баптистов кальвинистского учения о спасении” и ничего не знали об арминианстве (87-88). Близости богословия баптистов к учению Православной Церкви способствовало и то, что протестанты пользовались Синодальным переводом Библии – то есть Библией “православной”, считая этот перевод лучшим из всех существующих. Автор справедливо отмечает, что любой перевод Священного Писания несет на себе отпечаток конфессиональной принадлежности переводчиков (108). Кроме того, в каждой

церкви существует своя традиция толкования Писания, то есть, фактически, свое предание, даже если доктрина этой церкви отвергает предание. На практике это выглядело так, что, провозглашая протестантский принцип *Sola Scriptura*, советские баптисты неизбежно тяготели к православной традиции понимания Писания (111) – это наблюдение автора представляется очень важным.

Особенно интересны главы 3-7, в которых автор описывает литургическую и нарративную традицию и субкультуру советского баптизма. Близость к литургической традиции православия проявляется в первую очередь в отношении к крещению и евхаристии как к таинствам церкви. Хотя официальное богословие баптистов избегает называть вечерю Господню таинством, на практике отношение к ней мало чем отличается от отношения православных верующих к причащению. Автор указывает, что для баптистов характерны пятничный церковный пост перед евхаристией с полным отказом от пищи и воды, воздержание от супружеской близости накануне причастия и личный пост утром перед хлебопреломлением, покаянные молитвы, примирение с ближними и прощение всех (154).

Влияние православия на литургическую традицию баптистов прослеживается также в седмичном и годовом циклах богослужений. Кроме общехристианского литургического дня – воскресенья, баптисты особенно выделяли среду и пятницу как дни воспоминаний страданий Христа (в православии среда и пятница – постные дни, тематически связанные со страданиями Господа), а также субботу как ожидание и предвосхищение воскресного дня (в православной традиции суббота также не является будним днем). В то время как западные баптисты отмечают, как правило, лишь Рождество и Пасху, годовой круг советских баптистов включал в себя еще несколько православных праздников, связанных с воспоминанием библейских событий: Крещение Господне, Сретение, Благовещение, Вход Господень в Иерусалим, Страстной четверг, Пятидесятницу, день Святого Духа, Преображение Господне (187). Автор обращает внимание и на то, что сам порядок проведения службы в баптистских общинах имеет свой неписанный устав, или, по выражению члена президиума ВСЕХБ, “унаследованные традиции” (197), которые крайне трудно поддаются изменению (198), что также сближает баптистов с православием. Кроме того, в некоторых общинах заимствовали и литургическую эстетику православия: храмовую роспись и даже богослужебные одежды (209).

Особенно близкими верующие из разных конфессий и деноминаций становятся в условиях гонений. Советская власть невольно способствовала сближению православных и баптистов. Такая близость особенно ярко отображалась в обращении баптистов к православной святоотеческой литературе (творениям св. Иоанна Златоуста, святоотеческим поучениям из Добротолюбия, которые публиковали, чаще всего без подписи, в изданиях евангельских христиан), в различных устных преданиях, в практике повседневной жизни. Так, автор обращает внимание на феномен чудотворных предметов, который в православной среде проявлялся преимущественно в рассказах об иконах или нательных крестиках, чудом сохранявшихся во время гонений, при обысках или пожарах, а среди баптистов – в рассказах о чуде спасенных книг Священного Писания, так что не только смысл Писания, но и сам предмет – физическая книга – в глазах рядового

баптиста нес на себе “печать Божией благодати” (216). Таким образом, как убедительно показывает автор, среди советских баптистов возникло понятие вещественной святыни, уходящее корнями в православное учение об иконопочитании.

Совершенно неожиданным на первый взгляд может показаться описываемый автором “монашеский путь” советского баптизма. Не называя себя монахами, многие братья и сестры из баптистских церквей избирали фактически монашеский образ жизни, при описании своего братства использовали монашеские образы и терминологию. Автор обращает внимание на то, что женщины, вступающие в баптистскую общину, были чаще обречены на монашеский образ жизни – поскольку сестер в общинах было во много раз больше, чем братьев (с. 230).

Читатель может удивиться и отношению к праведникам у баптистов, что очень близко к почитанию святых в православии. Автор приводит распространенные среди баптистов рассказы о святой жизни служителей И. А. Лаптева и И. В. Иволина, содержащие элементы, типичные для агиографического нарратива (243-45). Похожие рассказы в это же время распространялись и о православных подвижниках благочестия.

Книга Прохорова может быть полезна как для религиоведов, так и для верующих протестантских и православных церквей, которые хотят лучше узнать и друг друга, и собственную традицию. Это первый труд, который столь всесторонне и объемно освещает рассматриваемую тему. На необходимости изучения православной традиции для отечественных протестантов настаивал А. Мурзин в книге “Диалог с православием” (Киев: “Свет на Востоке”, 2013). Не менее важно для протестантов узнавать элементы православной традиции в баптистских движениях. Важно, что Прохоров пишет с уважением к обеим традициям, акцентируя не полемические вопросы, но показывая многие точки соприкосновения. Уважительное изучение наследия друг друга – начало настоящего диалога.

Андрей Дудченко

Украинская Православная Церковь, пресвитер

Киев, Украина